

18+

Елена Межевич

ЭМИССАРЫ смерти

Елена Межевич

Эмиссары смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374132

ISBN 9785005181206

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга «Эмиссары смерти» – многожанровый текст с элементами триллера, фантастики, исторического и любовного романов. Главная героиня Евгения Лиске живет обыденной жизнью, пока с ней не происходит кардинальная метаморфоза после судьбоносной встречи со Смертью. Всегда ли смерть связана с болью и страданиями, можно ли вступить с ней в иные, более плодотворные отношения? История, рассказанная в книге, предлагает захватывающие и оригинальные ответы на эти вопросы.

Содержание

Эмиссары Смерти

6

Конец ознакомительного фрагмента.

69

Эмиссары смерти

Елена Межевич

© Елена Межевич, 2020

ISBN 978-5-0051-8120-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Эмиссары смерти» – первая книга из серии. Дальнейшие будут пояснять некоторые явления, происходящие в этой книге. Не так страшит Смерть, как ее представляют поэты. Страшно то, что чувства между живыми людьми гораздо слабее, чем между нежитью и Смертью.

Действие романа разворачивается в вымышленном мегаполисе Стольный в наши дни, периодически, однако, занырявая в девятнадцатое и двадцатое столетия.

Главные герои – танцовщица стриптиза Евгения Лиске, наркоманка Виктория Юдина, поручик царской армии и белоэмигрант Анджей Домбровски, участник Русско-турецкой войны Станислав Карпов и подполковник жандармерии Виктор Кузнецов. Жизнь каждого из героев кардинально изменилась после разговора со Смертью.

В романе также затрагивается тема военного конфликта на Донбассе и «двойное дно» некоторых его участников.

Герои не имеют прототипов. Все совпадения в именах и фамилиях случайны.

Размер рукописи – 8 авторских листов.

Книга близка по содержанию к роману Булгакова «Мастер и Маргарита» и роману Акунина «Квест».

К написанию книги подтолкнул просмотр посмертных викторианских снимков, чтение о красном терроре в Крыму, исходе из Крыма белогвардейцев. Также война на Донбассе и убийство ополченца Гиви. Пространство и время в этой серии играют с читателем (действия последующих книг происходят раньше, нежели в данной, но герои отсюда будут встречаться и дальше). Реальность альтернативна. Некоторые события последующих книг перекликаются с событиями этой, несмотря на то что происходят в другой эпохе. Серия будет походить на огромный музей, где под одной крышей собраны разные временные пласты.

Контактная информация:

Страна проживания: Беларусь, город Гомель

Email: elmej@yandex.ru

Эмиссары Смерти

*Готовность к смерти – это хороший тон.
Валерия Новодворская*

Intro

Бледнолицый светловолосый молодой человек сидел на скамейке в парке и читал газету. Одежда его походила на военную форму начала прошлого века. Газета, которую он перечитывал снова и снова, состояла всего из одного листка.

Юноша улыбнулся, встал, пригладил рукой выбившуюся прядь и спешно зашагал прочь, оставив листок на скамейке и, видимо, для верности все-таки прижав его камнем...

...Хирург вытер пот со лба. Он почувствовал смертельную усталость, лишь на миг отойдя от операционного стола. За работой усталости не было: она настигала его, незаметно подкравшись и норовя захватить в свои цепкие лапы лишь во время недолгого отдыха. Но сейчас даже такой отдых сделался непозволительной роскошью. Там, в пропахшей свежей кровью и потом операционной, его уже заждались. Рядом с ним, спрятав пол-лица под плотной марлевой повязкой, стояла медсестра. Хирург несколько раз отсылал ее домой или в другое безопасное место. Нет, лучше домой, ведь пригороды не бомбят. Им нужны центр с заводами и, вероятно, казармы. А она твердо решила, что останется рядом

с ним. Медсестра бросила взгляд на свой едва округлившийся живот. «Зато он вырастет настоящим мужчиной, как его отец... а я выдержу. сейчас гораздо хуже...» *они Им*

В сотый раз взвыла сирена, бессильно пытаюсь отогнать от раненого города ошалелые самолеты... А все были у стола. «Что же такое творится?! Там осталась Джеки!» Хирург бросает пару фраз дюжему медбрату Слободану Драгичу. Тот пулей срывается с места и выбегает на улицу... Позже его привезут обратно с оторванной рукой и обезумевшими глазами. Хирург не сможет ему помочь... *они*

«Быть может, Джеки скоро прибежит сюда... В больнице безопасно: больницы не бомбят...»

Он не помнил, сколько еще простоял за столом. Казалось, руки действовали сами по себе. Он превращался в робота. Неведомая сила скрытых механизмов держала его на ногах, направляла руки... Кровь, смерть, раздробленные тела и оторванные конечности давно перестали пугать, сделавшись обыденностью. «Очередной смертник: осколок в животе...»

...Никто ничего не успел понять. Не было осознания, а значит, и страха. Нечто огромное и черное начисто разрушило маленький больничный флигель и операционную с желтыми стенами. Натовский бомбардировщик пролетал слишком низко. Наводчик, чье имя теперь вряд ли кто вспомнит, ибо оно тщательно затерлось временем и благополучно затерялось в свете еще более страшных событий,

смог-таки подбить нашпигованную суперсовременной техникой гадину. И не только подбить: старенький снаряд, выпущенный из старенькой советской установки, вкупе с праведным гневом и верой в Бога разорвал самолету смертоносное брюхо. Черная махина, сделав пару кувырков в сером небе, с невиданной силой низверглась на землю, оставив после себя дымящиеся обломки...

*...Не предсказывай, цыганка, ты мне долюшку-судьбу,
Я плутовка-хулиганка и в расцвете сил уйду...*

Утро, только-только начало светать, но коммуналке покой может только сниться: неутихающий водопад в туалете, скрип дверей в комнатах и бряканье кастрюль на кухне – в общем, Женя проснулась. И, как всегда, раньше будильника. «Неужели нельзя лазить в холодильник и смывать в уборной немножечко потише?» – мысленно вопрошала она, заранее зная ответ. За год, проведенный в апартаментах добрейшей Раисы Сергеевны, девушка успела привыкнуть ко всему: и к буйным пьянкам соседа справа, отставного моряка дяди Саши, и к его же похмельным синдромам, которые тихими тоже не назовешь; и к раскатистому храпу семейной пары слева. Даже к вечным, преимущественно ночным, набегам на холодильник хозяйкиного сына Димки.

– Доброе утро, – сказала себе Женя и поплелась умываться (благо санузел оказался свободным), кое-как причесала непослушные кудряшки цвета горчичного меда...

– Женек, я соскучился, – загородила проход долговязая

фигура лоботряса.

– Отвали, а то военкому стукану, – девушка смерила Димку презрительным взглядом, но потенциальный хозяин апартаментов никак не унимался:

– Борзая, да? Что, мужики не ловятся?

– С чего взял, что я их ловлю? – ехидно спросила Юджи. – Ты, например, мне вообще не в масть...

– Сиськи накачай, ну или силикон там вдуй, а то вообще помазать не за что...

– Шел бы ты отсюда, – начала распалиться девушка.

– Что ты мне тут тявкнула? – в момент озверел Димка. – Из моей квартиры меня посылаешь?! Чтоб сегодня вечером тебя тут не было, ты поняла, сучка драная?!

– Отойди уже, пройти дай, – Женя протиснулась мимо долговязой нескладной фигуры, сотрясающей бранью своды коммунальной квартиры...

Соседи оживились: кто поддерживал смелую жиличку, а кто и наоборот – советовал девушке знать свое место.

– Конченная тварь, огурец из банки стянула, – продолжал злобствовать лоботряс.

– Иди в пень, – отозвалась Юджи и показала ему средний палец.

Дальше девушка, поливаемая потоками нескончаемого отборного мата, вышла из подъезда. Настроение было препаршивое: Женька ненавидела, когда ей указывали ее место. «Пусть на Абрамовичей гавкают...» – доев огурчик и накра-

сив реснички, Юджи завела мотор...

Этот день, к слову сказать, был идентичен многим другим: в светлое время Женя трудилась официанткой в спортбаре. Ночную же порой, точнее, каждые две ноченьки, – пожалуй танцевать стриптиз в клубе с интригующим названием «Роза Ширази». Сейчас невыспавшаяся девушка моталась от стола к столу, вяло улыбаясь и чиркая в блокноте. Но клиенты не жалуются, чаевые – себе, а значит, все путем... ну, почти, если забыть о растянутой ноге.

«Нет, все-таки нужно заскочить в аптеку: конечность совсем разнылась, а вечером на танцульки...»

– Женон, тут новеньких привели, – дымнула «Вогом» подруга Маринка.

С недавних пор она, как и Женя, стала инструктором по стрип-пластике в их «родном» клубе. Девушка была всего на год старше Евгении, но считала себя при этом ну очень прожженной и опытной дамой. Соответственно, красила волосы в убийственно белый, а губы – в ярко-красный, ходила на высоченных шпильках и в дерзком мини.

– И что мне с ними делать? – без энтузиазма спросила Женя, массируя болящую лодыжку.

– Можешь расстрелять, – пошутила подруга и рассмеялась, сочтя шутку верхом остроумия, – хотя лучше выучить.

– Окей, – безучастно буркнула Юджи, – мне бы хату подыскать...

– А в коммуналке вообще заколеб?

– Что-то вроде того...

– Тогда перекантуйся у меня, поторчим...

– Мариш, ты же знаешь, я не торчу, – Женя сбросила со лба роскошные медовые кудри.

– А тебя никто насиловать не будет, – улыбнулась подруга, – или ментов боишься? Так мы тихонечко...

– Я подумаю, – вежливо отказала Юджи. – Ладно, где там молодняк?

– Скоро подтянется... Точно не хочешь курнуть?

– Неа, не сейчас.

– Уже хорошо... Буду ждать.

О чем мечтает большинство провинциалок, приехавших покорять мегаполисы, столицы или просто крупные города? Перво-наперво найти приличную работу, закрепиться, помогать родителям и в конце концов встретить благородного столичного принца... И их отнюдь не пугает, что эти самые мегаполисы, столицы и просто крупные города перемалывают и выплевывают множество приезжих девушек на обочину жизни, точнее, на трассу... Не боялась и Женька. И когда не нашла достойной работы (ежу ведь понятно: профессии стриптизерши и официантки не были пределом ее мечтаний и достойного дохода не приносили), не стала рвать на себе волосы, хотя перспектива насобирать на собственное жилье исчезла (пока из имущества за девушкой числилась только старенькая «бэха»).

Чего тут скажешь – завидная невеста! «Ничего, – успока-

ивала себя Женя, – мне ведь только двадцать три года. Просто найду другую работу вместо спортбара...»

Провертев в голове все варианты существования в Стольном, Евгения припарковалась у гипермаркета, чтобы добыть нехитрую снедь и бесплатную газету с объявлениями о всякой всячине. И спустя четверть часа, вооружившись мобилкой и маркером, сосредоточенно бубнила себе под нос: ¹

– Уборщица на склад – не; дворник – у-у-у; нянечка в ясли-сад – не, я в баре больше получаю... оператор колл-центра – ниче, пожалуй, отмечу; угу, помощник руководителя – номер занят... репетитор немецкого языка с почасовой оплатой – блин, уже не требуется... кассир – пожалуй, отметим... И что с того, что закончила иняз с отличием? Ладно, еще только годик тут. Все пучком... Сейчас бы чего-нибудь жевануть... Неа, сперва нужно в частную клинику съездить, там вроде как санитарка нужна. Да и зарплату обещают повыше, нежели в обычном отделении здравоохранения...

Закончив рассуждать, девушка завела мотор и направилась за город, в частную лечебницу, куда требовалась пунктуальная и ответственная санитарка без наследственных болячек и вредных привычек.

«Два часа по пробкам – вот я и на месте, – безрадостно подумала Женя, – ну что ж, пора!» – девушка не спеша вышла, оглядела себя в более-менее чистых дверце и стекле авто, поправила, насколько возможно, непослушные кудряш-

¹ Вымышленный город, прообраз – Москва.

ки, но осталась недовольна. «Ладно, и так опоздала на целый час...» Выдохнув, соискательница направилась к главному входу. Блуждая по аккуратно отделанным коридорам, изголодавшаяся Женька буквально изнывала от запаха больничных харчей. Но вот из отделения малоинвазивной хирургии вышла представительного вида медсестра.

– Вы нам звонили, пойдемте, – подмигнув (как показалось Жене), прочирикала она.

– Да, я ищу работу санитарки, – замялась Юджи.

– Курите? – деловито поинтересовалась медработница.

– Нет, – девушка чувствовала, что эта, как и все предыдущие заготовленные для потенциальных работодателей речи, благополучно забывается.

– Краснуха-желтуха-ветрянка-венеруша – своеобразный медицинский юморок, – «своеобразно» пояснила женщина.

Дойдя до нужного этажа, старшая медсестра отделения малоинвазивной хирургии (даже не запыхавшись на своих, пусть и фейковых, лабутенах) пропустила девушку вперед. Евгения было плюхнулась на диванчик в уютном, пропахшем какао холле, но, поняв, что медработница остается стоять, вскочила как ошпаренная. Взгляд женщины вдруг сделался холодным, даже жестким. Ох как Женька не любила такие вот повороты и такие вот взгляды! «Ничего хорошего из этого не выйдет, – сделала вывод Юджи, – деньги и бензин потрачены впустую...» И – что редко, но случается – оказалась права.

– Итак, милочка, знайте, я вижу вас как облупленную, – едко изрекла потенциальная начальница, – не стоит корчить из себя Дюймовочку. Я сразу это разглядела.

– Что случилось? – спросила ошарашенная Юджи.

– Простите, но на кого вы похожи? – продолжала «экзекуцию» медичка и по-дружески подвела девушку к высокому покрытому пылью трюмо.

Видок так себе: из недр зеркала на нее таращилось измученное, потрепанное, с разлохмаченными кудрями и кругами под глазами бледнящее существо анорексичного телосложения.

– И вот еще: если нам нужны сотрудники без вредных привычек, это значит без всех вредных привычек.

Глядя на Женькино вконец отупевшее лицо, медсестра удосужилась пояснить:

– Наркотики когда в последний раз принимали, а?

– Я не наркоманка... никогда, – подавленно ответила девушка.

– Кого вы тут пытаетесь одурачить? Я медработник с двадцатилетним стажем! – бесновалась медичка. – Сейчас полицию вызову, и будете сдавать анализы принудительно. Браслетики любите? Так и подумала, – снова слащавая улыбка во все тридцать два, ну или сколько там у нее зубиков-то?

Женька допетрила: тетка таки узрела подвеску у ветрового стекла в машине. Только откуда такое негодование? «Ну, наручники, ну подумаешь... мне вон после моего сливше-

гося бойфренда целая коллекция досталась, хоть свой секс-шоп открывай...»

– Так вам нужна санитарка? – раздраженно спросила Юджи. – Если нет, я пойду, не хочу больше терять с вами время. И не надо на меня так смотреть!

– Вы нам точно не подходите, – отчеканила медсестра.

– Прекрасно, – ухмыльнулась Женька, – да, я люблю наручники. А вы, можно подумать, «Советский экран» до дыр... зачитываете... хотя, судя по виду, ваш предел – «Колобок», и то вкратце!

– Вон!

– Вот и славно, – девушка развернулась и, хлопнув дверью, вышла в коридор.

– Простите! Сюда нельзя, не приемное время, ждите, – Женька обернулась и увидела пожилую санитарку с добрыми глазами, – тут дети болеют...

«И куда это меня занесло?»

– Я не к детям... Просто смотрю: у вас в коридоре мальчик бился о тумбочку с анализами. Ну, баночки же разбиться и разлиться могут, – с улыбкой пояснила Женя (в отличие от гримзы на фейковых лабутенах, санитарка номер два походила на большую курицу-хохлатку, и с ней ну никак не хотелось вступать в спор), плохо, когда дети болеют...

– Да, дочка, ты вот молодая, а они и того меньше. У самой внук недавно операцию перенес... ой, что уж, – хохлатка махнула пухлой рукой.

– Пусть скорее выздоравливает. Я вот еще совсем недавно врачом хотела стать... всем помогать и тому подобное...

– Ну, так сложно в медицинском-то учиться. У нас с санитарок спрос большой, а с врачей и подавно, – посетовала женщина. – Так что не поступила? Не осилила или блага не нашлось?

– Просто расхотелось, – Юджи с ухмылкой вспорхнула на подоконник, – по химии в школе стабильный тройбан был... можно было науку подтянуть, но... личным кладбищем обзаводиться не было желания...

– Кладбище, оно такое, не только у врачей бывает. У всех нас есть то, о чем с радостью хочется позабыть.

– Ну и прочие скелетики в шкафах...

– Верно, – согласилась женщина, – так что врач – еще хорошая профессия. И денежки платят хорошие, и людей спасает. Старается спасти. Иные же люди, будь они неладны, только убивать и умеют. Бестолковые, а как ляпнут чего... Слово, ведь оно страшнее ножа бывает...

– Ну, может быть, – вяло согласилась Женя, – а все-таки я не жалею, что не стала врачом...

Санитарка улыбнулась, а потом добавила:

– Хорошая ты девка, только, вижу, бедовая... Такие долго не живут... Ой, что это я ляпаю! Не слушай, девочка, ступай...

Женька и не думала пугаться – не из тех. Просто на душе сделалось как-то паршиво: люди знают, что она бедовая, нет

чтоб помочь от этой бедовости избавиться. Так еще больше пытаются страху нагнать. А может, они тоже не знают, как бороться с этой самой ее бедовостью... Женькина крыша стремительно спускается, громко шурша шифером, ну или черепицей по черепу, а «добрый» мир эту крышу усиленно подталкивает...

«Ну, ничего, бой еще не проигран... так – первое сражение... – утешалась девушка после неудачи с санитаркой. – Что там у нас дальше? Репетитор... И живут относительно близко...»

– Хм... И тут не вышло – не подошла, типа слишком молодая. Фе! – Юджи сымитировала рвотный рефлекс. – Продавец-кассир – мимо кассы... Да уж, при всем природном оптимизме стоит признать: бой проигран... на сегодня...

Выдохнув, Женька пощелкала кнопками магнитолы и направилась в «родной» стрип-клуб «Роза Шираза». «Там Маринка, с ней веселее... Вдвоем легче выжить... Одиночек Стольный ломает. Сломать двоих будет гораздо труднее», – заключила девушка, и от этой мысли стало отраднее. А может, и не от нее вовсе, а от магнитолы, из динамиков которой неслись гиперпозитивные «Ляписы»...

– Что будешь делать? Все еще думаешь уволиться из спортбара? – спросила подруга, выпустив сигаретный дым и накрутив на палец прядь обесцвеченных волос.

– Ничего – жить, – меланхолично ответила Женька, – ты вот что, завязывай с выпивкой.

– Ой, Женон, не сношай мозги, – отмахнулась Марина, – мной овладел Бахус, а без него плохо...

– Отчего же вам, сударыня, жизнь не мила? – с улыбкой поинтересовалась Женя.

– Женон, понимаешь, надоело все: занимаешься тут не своими делами, бабла вечно не хватает... Алекс этот... какого рожна ему еще надо? – на этих словах убойно размазанная блондинка подлила себе еще текилы и залпом выпила.

– Понимаю как никто... а что мы хотели, когда рвались сюда? Да, трудно, да, хреново, нужно просто подождать чуток.

– Я уже пять лет тут... жду.

– Ладно, Марин, какие твои годы... пойди развейся, что ли. Вместо того чтобы тут квасить...

– Предлагаешь мне поквасить в другом месте, еще и заплатить за это? – недоумевала подруга.

– Не только поквасить, но и потанцевать, расслабиться по-хорошему, по-другому. А заплатит кавалер, – оптимистично закончила Женька.

– В твоем плане есть изъян: где я тебе кавалера возьму?

Евгения погладила подругу по волосам и тоном терпеливой училки пояснила:

– Не мне, а себе... ну, Алекса своего разведи... или совсем швах?

Маринка лишь кивнула и опустила голову на ладони. Же-

ня впервые не нашла для подруги подходящих слов.

– Ну что, наяды, – воззвала Юджи к стайке новеньких, – чего стоим? Айда репетировать! А ты, – указала она на чуть ссутулившуюся девушку с прыщиками на лице, – дуй в спортзал, а то живот скоро из стрингов вывалится! И да, позабудь такие страшные слова, как «жрачка», «столовка», «куськуськи», «нямнямки» и прочие...

Глядя на эту словесную экзекуцию, Маринка прыснула, закрыв рукой рот. Новенькая же покраснела так густо, что это стало зримо даже в полутемном зале.

– Ладно, не парься, я беру над тобой шефство, – деловито приобняв бедняжку, сообщила Евгения, – а сейчас смотрим, учимся, повторяем!

Девушка хлопнула в ладоши, и из динамиков зазвучал «Винтаж»...

А Маринка не смеялась. И не плакала. Она просто ушла кайфовать в уборную. Ведь каждый волен расслабляться как ему удобно и доступно: Женька ловила кайф от танцев и обнаженки, обнаженки и наручников. Подруга же предпочитала более «традиционные» способы.

...Между прочим, граф был совсем неплохим человеком. Он просто каждую субботу, аккуратно в десять двадцать, любил посещать притон. Вот и сейчас, вышедши из таксо, точнее, чуть не вывалившись по причине запутывания в длинном плаще, граф на тоненьких кривеньких ножках бодро поскакал к подъезду. Самому обычному, «советскому», безо

всякого домофона и с вечно открытой дверью, которая, подобно огромной пасти, заглатывала в себя бедняг-посетителей, периодически отрыгивая пьяниц. Вжав голову в плечи, наш герой смело юркнул в парадную. Граф не был извращенцем. Не делал из своих вояжей чего-то эпохального. Просто ходил. Как многие наши земляки посещают баньку...

А во дворе, прыгая по лавке, трижды каркнула ворона. Бежавший по лестнице граф остановился, отдышался, перекрестился. Затем шмыгнул за обитую грязным брезентом дверь. В общем, все как обычно...

– Слушай, Леш, я не знаю, что там у вас стряслось, но Маринку надо спасать...

– Жень, ты меня за этим разбудила? – пробурчал сонный голос на том конце провода. – Врубаетесь, сколько сейчас времени?!

– Да черт возьми! – Женька обрушила праведный гнев на лысину подрезавшего ее водителя. – Дебил! Откуда только берутся такие?! Сорри, Леш, это не тебе... Слышишь, Марина с катушек слетела...

В трубке наряду с громким мужским посапыванием отчетливо слышался недовольный женский голосок. Его обладательница, судя по всему, смывала в туалете и хлопала туалетной же дверью.

– С кем ты? Леш, ты что?! Она тебя любит, из-за тебя она слетела! – кричала Юджи, пролетая на красный.

– И она меня любит, – нашел в себе силы съязвить Алекс, –

меня все хотят и любят. Хотя ты спасайся от них... И вообще, кто ты такая? Полиция нравов, блин?! – а потом со смешком добавил: – Внимай сюда, Чип-и-Дейл хренов, ни тебя, ни подружку твою я больше знать не желаю... Пошли вы на...!

Беседа логически завершилась. Евгения припарковалась на обочине: ей решительно нужно было все переварить и очиститься, что ли. Нет, ее уже давно не смущало, когда ее ругали по матушке, просто представления об отношениях перевернулись с ног на голову. И во время кульбита сего Женька отчетливо узрела задницу...

Подумала. Выдохнула. Нужно ехать домой. Слава богу, этой ночью можно поспать, а то после трех ночей подряд, проведенных в диких танцах, и двух дней в спорткафешке Женьку «малость» клонило... Слава кофию!

Незаметно юркнув в подсобку, Юджи переделалась в форму официантки. Не спеша оглядела себя в большом висящем на голой стене зеркале. Осталась недовольна: с таким режимом питания форма скоро вообще будет болтаться, как на вешалке. «Сегодня нужно нормально поесть, – резюмировала девушка, подспудно понимая, что это вряд ли удастся, – а то люди уже за нарика принимают...» Женька вспомнила недавний казус и поежилась. Затем, собрав кудри на один бок и заколов их пластмассовой морской звездой, неторопливо поднялась в зал...

Евгения по опыту (пусть и небольшому) знала, что народ в этот час жаждет зрелищ куда больше, нежели хлеба. От нее

требовалось лишь вовремя подносить пиво. В общем, никакого разнообразия.

Девушка уселась за барную стойку и улыбнулась знакомому бармену Феде, тоже прибывшему попытать счастья в Стольном.

– Привет, мой свет, – поздоровался парень в ответ на игривую гримаску Евгении, – чего такая веселая?

– Да вот не знаю, может оттого, что всю ночь танцевала... – мечтательно проговорила Юджи.

– На шесте, – уточнил Федор.

– На пилоне, от этого я ловлю кайф.

– Рад за тебя, хоть какая отдушина есть...

– Угу, – подтвердила Юджи, успев-таки заточить круасан.

– А я вот все детство мечтал стать автослесарем, открыть СТО... все бегал помогал чинить соседский «запорожец», – пустился в ностальгию бармен.

– Станешь. Откроешь, – сказала как отрезала девушка и для пущей убедительности ударила ладошкой о барную стойку...

Реальной отдушиной для Женьки были танцы. Она обожала свою работу в стрип-шоу. Обожала разучивать новые программы, ставить номера для других. Даже Маринка, старожилка их клуба, называла ее фанатичкой. Она не обижалась. Вопреки распространенному мнению об опасности женской дружбы, девушки, казалось, дополняли друг друга

и были не просто подругами, а настоящими товарками в самом хорошем смысле этого слова... Женю нисколько не смущала роль ведомой в этих отношениях...

Она всегда выходила на сцену в хорошем настроении. Вот и сейчас, чинно вышагивая на высоченных толстых каблуках и облаченная в черное атласное боди с пикантными кружевными вставками, нахлобучив вуалетку на пол-лица, девушка чувствовала себя королевой...

«Раз, два, три, шаг в сторону, воздушный поцелуйчик, – Евгения прокручивала в уме каждое действие, – и четыре, поклон, медленно выпрямляемся... шесть, семь, восемь, поворот и присед... Раз, два, три, встаем, руку вперед, стягиваем зубками перчатку. Бросаем в зал... Девять, десять, одиннадцать, шпагат. Медленно, пусть все видят мою прекрасную растяжку... обожаю Эню. Хотя эта музыка не для стрип-клуба и пьяной публики, она для другого, более личного стриптиза...»

...Семь тринадцать... Нормальные люди-человеки со всех ног спешат на работы – в школы-садики, а она, Евгения Лиске, влив в себя четыре чашки кофе, уныло плетется домой, периодически рискуя задряхнуть в пробке. Ну и что тут поделаешь, когда в двадцать три года Женька, вместо того чтобы учить деток (послушных и не очень) языку Шиллера и Гете, ночь напролет оголялась перед разгоряченной нарзаном публикой под душевное Listen to your heart?

Как говорит Маринка, это слабоумие. А слабоумие

есть диагноз. Вывод: незамедлительное принятие пилюли. За одной девушка решила наведаться в лежащий прямо по курсу гипермаркет. Там, если вывеска не врет, имеется ну просто сказочного вкуса тающий во рту молочный шоколад. Он и есть Женькина пилюлька.

Задумано – сделано. И через некоторое время девушка уже припарковывала «бэxu» на сырой и серой магазинной стоянке. «Нет ничего лучше, нежели приехать в теплый (пусть и не свой) дом, облачиться в обвислый шерстяной свитер и, зарывшись под одеяло, покусывать плитку молочного, пусть и не совсем швейцарского, шоколада. И непременно тупить в телик, при этом неважно, что там показывают», – мирно думала Евгения, направляясь к широкому жерлу магазина, откуда зазывно пахло свежее испеченной (как же) разнокалиберной сдобой. «Еще бы булочку с марципанами, ну, или рогалик, – предвкушала Лиске начало сладкого шопинга, – можно и круассанчик... потом сумасшедший фитнес, и порядок...» – как вдруг послышалось совсем не свойственное для стоянки противное визжание шин. Женька, как показала универская практика, была не ахти какой училкой, но, как показала жизнь, отличным водителем с превосходной реакцией. Бросив быстрый взгляд в сторону съезда, девушка увидела черный кроссовер, резко развернувшийся и бурявивший мощными фарами утренние сумерки. А на стоянку то и дело прибывали машинки, мимо них сновали люди, и никто не обращал внимания на застывшую черную глыбу,

все еще урчавшую мотором.

«Хрен его знает, – подумала Юджи, – может, встречает кого с ночной смены... меня бы кто встретил на такой тачке...»

– Мам, ну купи солдатиков, ты же обещала! – донесся сзади писклявый детский голос.

– Артем, вчера папа купил тебе целую армию, так в чем теперь дело? – улыбнулась мать.

– Так это ж наши... а я еще немцев хочу! Ну как я буду играть в партизан без немцев?

Женька улыбнулась: нам пустяк, а у ребенка реконструкция под угрозой.

– Посмотрим, – уклончиво ответила родительница, как вдруг «оживший» кроссовер пришел в движение, причем очень и очень быстрое, и, рывкнув газами, понесся прямо на будущего режиссера-документалиста и его родительницу.

Скумекав, в чем дело, Юджи обернулась и в прыжке толкнула обоих на чернеющий квадрат пустого парковочного места. Девушке даже показалось, что машина немного ее зацепила. Еще через некоторое время Женька поняла: не немного... Что было дальше, она помнила смутно. Все ерунда, кроме больших, наполненных испугом глаз ребенка. Он не плакал. Просто удивился. И испугался.

– А... А кто вы? Что вам всем от нас надо?! – зарыдала до смерти напуганная мать, прижимая к себе мальчонку. Как и следовало ожидать, злобствовала она почему-то на Жень-

ку.

Осознав всю странность своего положения, фройляйн Лиске попыталась объяснить. Вышло, как всегда, неуклюже:

– Я, между прочим, вас от машины спасла! Кроссовер черный не видели, что ли?!

– Какая машина? Никого тут не проезжало, – уверенно и строго проговорил дворник, шурша метлой по сырому асфальту.

– С утра уже готовая, – со смехом констатировал конопатый парень, обнимая подружку.

– Сколько можно уже??? Когда это кончится??? Отстаньте уже от нас!!! – забилась в истерике женщина. – Мы выплатим этот несчастный долг, слышишь, вы-пла-тим!!! Только ребенка не трогайте! Сначала приходят, угрожают, обещают расправиться через три дня... Ненавижу!!!

– Мама, я тоже видел машину, – чуть охрипшим голосом проговорил малыш.

– Молчи, сыночек, молчи!!! – кричала мать. – Идите все, что встали, коршуны!!!

– Коллекторы эти – кровопийцы адовы! Да чтоб вас! – поддержала пожилая дама с высокой «башней» на голове.

Больше всего обидно было то, что все эти громы и молнии были низвергнуты на бедную кудрявую Женькину башку.

– Да не коллектор я, просто помочь хотела, – оправдывалась девушка уже без особого энтузиазма. Все равно не по-

верят. Все равно разозлятся еще больше. «Так и проклясть могут», – подумала Женька и побрела прочь в сторону верной «бэхи». Шоколадку она так и не купила.

Выезжая со стоянки и пытаясь забыть весь утрешний негатив с помощью «Короля и шута», Юджи собралась было перестроиться в левый ряд, чтобы побыстрее добраться до своей коммуналки и провести оставшийся день в комнате. На то он и выходной. Мало ли что еще приключится... Забыться не вышло: кто-то сзади клаксонил явно в ее, Женькин, адрес. «Странно: ничего не нарушила... вроде... хотя впопыхах и могла накосячить...» – мучительно размышляла девушка, прижимаясь к обочине. Включив аварийку, Евгения вышла из авто, дабы узнать, в чем дело. Вышла и обомлела: черный кроссовер марки «Инфинити», как успела разглядеть фройляйн Лиске, плавно поравнялся с «бэхой». В следующий момент из его недр вышел весьма странный мужчина. Вся его одежда и аксессуары были призваны по максимуму защитить, сделать неузнаваемым своего носителя. В то время как стекла в машине не были затонированы. Где, спрашивается, хваленая мужская логика? В данном случае она определенно дала сбой...

Облаченный в длинное серое пальто с капюшоном, доходившее до самых пят, объект сей прятал руки в черных кожаных перчатках, а глаза – за темно-синими круглыми очками (они-то зачем в пасмурную погоду???). Водитель «инфы» уж больно походил на человека в футляре. Пробуравив

Женьку жуткими окулярами, странный тип тихо, но отчетливо произнес:

– Не стоит вмешиваться в мой промысел. Все должно быть по правилам. Никто не смеет нарушать их...

– По каким еще правилам?! – опомнившись, взбеленилась Женья. – Вы чуть ребенка не сбили!

– Я все сказал. Я тебя запомнил... – договорив, человек в футляре быстро нырнул обратно в кроссовер и столь же поспешно исчез. Да, именно исчез. Ну не мог он так молниеносно и, главное, бесшумно, уехать... Даже на такой тачке...

Женька вернулась в теплый салон «бэхи». Туман внезапно рассеялся. Девушка знала наверняка: поспать днем не получится. Хоть бы добраться без приключений... «Благими намерениями, ити их матушку...» – подумала раздосадованная Юджи.

– И чего это мы тут шляемся, как у себя домачки? Совсем борзая, страх потеряла. Надо вернуть, – промурлыкал Димка, вальяжно развалившись на тумбе в прихожке.

– Отстань, а... я очень устала и не хочу ни с кем бодаться, – сонно проговорила Женья и попыталась пройти в свою комнату.

– Ну уж нет, думаешь, я ничего не вижу: одевается тут в мини-юбочки, а я сиди, слюнки пускай? – криво усмехнулся хозяйкин сынок.

Насколько Юджи успела изучить этого типа, он действительно мог представлять некую опасность. «Лучшая защита,

как известно, нападение», – решила танцорка и, вплотную приблизившись к Димке, прошипела:

– Слышишь, ты, мерзавчик, или даешь мне пройти, или я исцарапаю всю твою прыщавую рожу и вырву все твои патлы, усек?

Женька прекрасно знала, насколько этот лоботряс дорожит своей «гееобразной» шевелюрой, касание к которой приравнялось к святотатству. Но на всякую даму пенсионного возраста бывает проруха: как раз в этот день Димке было решительно наплевать на куафюру. Да и по роже она зря «прошлась». Ох как зря!

– Ты думаешь, что вот так вот типа напугала меня??? Напугала??? Меня??? – парень зашелся в гомерическом хохоте.

Воспользовавшись ситуацией, Женька попыталась выйти из квартиры, намереваясь пересидеть у Маринки, как внезапно ощутила сильную боль в плече: Димка, полностью оправившийся от приступа внезапной веселости, сильно вцепился в хрупкое Женино плечико, принуждая ее опуститься на колени. Все попытки вырваться были тщетны.

– Ты что, сдурел, а? – чуть не плача не столько от боли, сколько от унижения, проговорила девушка. – Прекрати, пожалуйста...

– Почему прекратить? – делано недоумевал верзила. – Момент самый что ни на есть подходящий – в доме никого... Давай вставай! – Димка рванул ее за руки.

– Мне больно, отпусти, – взмолилась Женя, – давай не бу-

дем?

– Давай будем, – прервал ее сын хозяйки и потащил в сторону своей спальни.

Девушка била его кулаками по спине, дергала за волосы, царапала спину и кричала. Неуравновешенный верзила быстро вышел из себя:

– Что делаешь, сука??? Ты мне ухо расцарапала!!! Все, лядь, я тебя во все щели отымею!!! Сиди тихо, иначе ты покойница!

И, не дойдя до своей комнаты, парень потащил Женьку на кухню и пребольно усадил на стол. Не отпуская ее плеча, свободной рукой достал из шухлядки нож и приставил его к Женькиному животу.

– Тихо сидишь, умничка. Исправилась. За это тебя ждет приз, – парень одной рукой судорожно расстегивал ремень брюк и молнию, другой, подрагивающей, держал нож. Справившись с брюками и нижним бельем, выудив то, что у нормальных мужчин называется мужским достоинством, ублюдок раздвинул ноги Евгении, забравшись рукой под короткую юбочку. Девушка тяжело дышала, она понимала: умолять ублюдка о пощаде – дохлый номер. Она ждала. Секунд пять.

– Ненавижу тебя, сука, – проговорила она и шваркнула негодяя перечницей по лбу.

Тот взвыл и от неожиданности дернул рукой, в которой был нож. В следующее мгновение оба посмотрели вниз, ту-

Одета красавица была как среднестатистический столичный гот: пышное темно-синее платье чуть за колено, перетянутое широким ремнем; на изящной головке – шляпка-таблетка с сетчатой вуалью.

Девушка обошла автомобиль – обычную городскую малолитражку «Пежо», которых тут на каждом перекрестке, в каждом дворе. Присела, почиркала что-то в ежедневнике. Внезапно из крохотной сумочки готессы донесся «Раммштайн». Девушка прижала трубку к ушку и быстро зашла в подъезд одной из серых многоэтажек. Впрочем, ежедневник она оставила на капоте...

...Маленький игрушечный паровозик быстро наматывал круги у Женькиных ног. Железная дорога. В центре ее и сидела Юджи, привязанная к стулу. «Почему на мне этот дурацкий белый парик с буклями?» – подумалось ей.

Ниже этажом по коридору носился священник, пытаюсь вразумить нагую деву с крылышками и в таком же дурацком парике.

– Развяжите меня! – крикнула Женька, пытаюсь хоть как-то пошевелить затекшими членами. А в холле психбольницы пациенты смотрят телевизор, периодически «наказывая» его тапками.

«А это еще что?! – недоумевала связанная Женька. – Черт возьми, откуда в Театре балета Ленин? Ого! Он отплясывает с балеруньями! Не знала, что вождь мирового пролетариата еще жив... Хм, а что скажет Надежда Константиновна?»

Затем кто-то толкнул стул, на котором она сидела, и тот вместе с Женькой повалился аккурат на игрушечные пути. «Сейчас будет ехать поезд», – без страха подумала пленница и даже рассмеялась, когда паровозик врезался ей в живот...

А в это время двое верзил ворвались в притон. Один из них, более шкафообразный, выудил с антресоли голого графа и сгреб его в охапку...

«Господи, такой бред может присниться только в больничке», – заключила Женька, пытаясь повернуться на бок. Ощувив сильную, но тупую боль, девушка окончательно проснулась. Вспомнив произошедшее, закрыла лицо руками. Нет, она не готова возвращаться, нужно еще немного побыть там... хоть не так грязно...

– Жизненно важные органы не задеты, в общем, повезло вам, барышня, – монотонно пробубнил врач, не отрывая глаз от бумаги, которую усердно марал, – в рубашке родились.

– Ага, в смирительной, – горько усмехнулась Женька.

– Возможно... Вполне себе возможно, – кивнул врач-очкарик, – раз в поножовщину ввязалась.

– Это не поножовщина, – вяло перебила Евгения, – просто грабануть хотели, вот и получилось...

– Знаю я, – отмахнулся эскулап, – с ментами дел иметь не хочешь. Ну, как знаешь, – и протянул какую-то бумагу.

Женька не стала грузить его подробностями защиты своей почти нетронутой девичьей чести. Просто взяла бумажку, направилась в какой-то кабинет, где ей поставили большую

печать. И все. И шрам.

«Через годик, когда все затянется, татуху набью – воно красотень будет, – подбодрилась Юджи. – А так вроде терпимо...»

«Месяц март, месяц морт... Морт, – повторяла про себя Женя, спускаясь по больничной лестнице, – слетела с казенных харчей». День, который она провела в больнице, показался самым длинным, самым спокойным и самым бесполезным. Забегала Маринка, принесла апельсины и круассанчики. Ни того, ни другого Женьке не хотелось. И, ничтоже сумняшеся, она отдала гостинцы соседке по палате – позитивной пенсионерке, любящей выпить.

«Приеду домой – рассмотрю ранку, – мирно начала размышления Лиске, затем, однако, грубо их прервав: – Стоп! Я в этот клоповник больше ни ногой! Ан нет, все же придется: шмотки-то забрать нужно, да и посуда кое-какая осталась... Соберусь – и к Маринке», – поникшая было Юджи вновь воспряла духом.

Девушка вышла в больничный двор, засаженный молодыми сосенками. За забором на стоянке дожидалась верная «бэха» с Че Геварой на капоте. Женька отрегулировала сиденье и поежилась: руль пришлось тогда доверить подонку Димке... До сих пор в салоне шмонит его дешевым «Хуго Гроссом»...

«Заеду по пути в спортбар, заберу выручку, а то Федька „обрадовал“, что меня турнули, – а сквозь мысли рефреном

звенело: – Месяц март, месяц морт, морт, морт...»

Евгения прогрела мотор и погромче врубила магнитоу. Думала, будут «Ляписы» или «КиШ», а из динамиков почему-то фонило «Выхода нет...».

Зайдя в подъезд, девушка подошла к своей двери и позвонила. Поежилась. Изнутри послышался лязг цепочки. Открыл Димка. Он был бледен и несвойственно тих.

– Дай пройти, мне вещи забрать нужно, – отстранив потенциального хозяина, произнесла Юджи.

Парень помялся некоторое время, затем зашел в Женину комнату.

– Прости, – промямлил он, – если хочешь, можешь остаться, тебя никто не гонит...

– Нет уж, спасибо, сомнительное удовольствие, – съязвила Юджи, – тем более находиться с тобой под одной крышей опасно для жизни.

– Ну ладно, как хочешь, – пробубнил Димка, – а ты это, никому не говори, что это я тебя...

– Хотел изнасиловать, потом пырнул кухонным ножом и еще не хотел везти в больницу? – закончила вместо него девушка. – Расслабься, не скажу, не мое это – связываться с дерьмом...

Димка расхаживал по коридору, задевая оленьи рога, служившие вешалкой.

– Твоей мамашке я ничего не должна, всегда платила вовремя.

– Я знаю, все в порядке, не бойся, – парень выдавил подобие улыбки.

– Это тебе, сволочь, надо бояться. И борони тебя Боже еще раз оказаться на моем пути, – сказав это, Евгения быстро вышла из квартиры, перекинув через плечо черную дорожную сумку.

Просидев немного в машине, Лиске отправилась в спортбар. Бармен Федя курил у черного хода и сразу же узрел Женькин «бумер».

– Женон, привет, – просипел парень, – хозяйки нет, будет нескоро, так что проходи, выпьем чего-нибудь. Как ты относишься к оргазму?

– Сугубо отрицательно, – отрезала Юджи, – не видишь, за рулем?

– Сорри...

– А если бы жаба и была тут, чего мне ее бояться? Она должна еще рассчитать меня, разве не так?

– Жень, она поручила сделать это мне, – замялся бармен, – вот деньги, пересчитай...

– Классно...

Посидев немного за барной стойкой, откушав десерт и заткнув деньги в карман джинсов, девушка, спрыгнув со стульчика, собралась рулить восвояси, точнее, к своей товарке.

– Прости, я пытался ей объяснить, – начал было Федор.

– Не парься, все нормуль, – Лиске похлопала друга по плечу, – я не пропаду... Кстати, думаю, жаба тебя тоже скоро

турнет... если, конечно, не будешь ее трахать...

– Жень, – Федор опустил глаза.

– Уже? Ладно, уважение... всего хорошего, бывай... – она, не оборачиваясь, побрела к машине.

«Вот и все, денежки забрала. Сейчас к Маринке, вечером в клуб», – размышляла Женя, заводя мотор...

«Я жива...» – прочитала девушка, стоя в пробке. Но откуда на промокшем брезенте крытого грузовика эта надпись? Видимо, краской... Хулиганы. Но почему никто не сотрет? Наверное, еще не увидели. Потом обязательно сотрут... Сигналы сзади прервали ее размышления.

Поднимаясь по заплыванной лестнице, Женя с отвращением подумала, что лестница эта, как и весь невзрачный подъезд, до боли походила на ее жизнь в Стольном. Не выдержала, расхохоталась в голос.

– Что еще? – попыхивая «Вогом», справилась Маринка.

– Да нет, просто... – приснув, отмахнулась Юджи.

– У тебя все просто – завидую...

– А ты не завидуй, – обнажила Женька щербатые зубки, – сложно, когда односложно...

– Ну вот, будь как дома, – выдохнула подруга, захлопнув хлипкую дверь.

– Классно, – бросив сумку на пол, тихо сказала Евгения.

– Жень, сама понимаешь, здесь не «Хилтон», так что...

– Марин, все в порядке, – улыбнулась Юджи и прижала подругу к себе, – ты у меня самая лучшая.

После этого обе девушки рухнули на пол. Это обстоятельство развеселило их еще больше...

...Где сыскать СТО в самом крупном, самом сером и самом смоговом районе Мегалополиса? Правильно, везде. Как успела заметить Евгения, в Нью-Чернобыле, или Челябинске-42, как любовно окрестила сей экологический «рай» Марина, СТО, складов, заводов и прочих там мастерских было несравнимо больше, нежели парикмахерских, поликлиник или детсадов. А представить театр или филармонию в этом загазованном оазисе было сродни самой красочной фантазии самого буйного сумасшедшего. Ни дать ни взять – город Машин. Машинкам, механизмам и их потребностям в районе было подчинено буквально все: начиная от авторынков – своеобразных «шопинг-плейсес», СТО, где машинки «поправляли здоровье», и заканчивая элитными автомойками, предлагающими полировку, чистку и ароматизацию салона под классическую музыку.

Подъехав к одной из таких «автоклиник», расположенной в длинном сером ангаре, Евгения остановила своего «железного коня» возле сетчатого забора и отправилась на поиски работников. Девушка трижды обошла ангар, даже зашла в него, вежливо здороваясь с пустотой. «„Никто солдату не ответил...“ – пронеслось у нее в голове. – Ладненько, поедем на другую станцию, благо их тут дофига». Она направилась было прочь от этой «вымершей» СТО, как вдруг чей-то картавый бас заставил ее остановиться... оглянуться.

– Девушка чего-то хотела? – поинтересовался обладатель баса, высокий худощавый мужчина лет тридцати, облаченный в камуфляжную куртку и брюки карго неопределенного цвета.

– Переобуться хотела, да только передумала уже, – с вызовом ответила Юджи.

Нет, ее не обидело фривольное обращение работника: мастеровые, к коим приходилось обращаться и раньше, видели в Женьке своего в доску парня и без стеснения «тыкали». Девушку сие обстоятельство даже забавляло: а как еще реагировать на чувиху, вечно «упакованную» в бесформенные вязаные пальто, растянутые свитера и драные-предранные джинсы? Нет, Евгения Милорадовна, вы не леди, вы чувиха... так что ловите очередную «тычку»...

Девушку задел вопиющий пофигизм, отчетливо читавшийся на заносчиво-уверенном и, черт возьми, красивом лице работника СТО. Евгения решила проучить долговязого:

– Не нужны клиенты – да ради бога, я ненавязчивая... – с ехидцей проговорила она.

– Почему же, я тебя быстго пегеобую, – с улыбкой уверил бас.

Казалось, его синие глаза, обрамленные сеткой морщинок, видят Женьку насквозь.

«Однако меня начинает бесить это его непоколебимое спокойствие, – мысленно закипая, отметила девушка. – Нет, я непременно выведу его из себя...»

– А ты разве обувщик? – делано удивившись, «тыкнула» Евгения. – Вообще-то я машинку переобуть хотела, но если тут этого не делают...

– Еще как делают! – картавый приблизился к ней вплотную, и Женя в полной мере ощутила амбре дешевой автохимии, которой, казалось, были пропитаны не только одежда, но и руки, и даже волосы этого прекрасного мужчины. – Пойдем, машину вмиг пегеобуем! Кстати, и тебе не помешало бы... обувку сменить, – спокойно, безо всякой издевки изрек работник, глядя на Женькины потрепанные ботинки. Похоже, во всем ангаре этот задира был единственным.

«Нет, невежество у некоторых в крови!» – вскипев, подумала Юджи и, с трудом сдерживаясь, сказала:

– Не нужно, поеду в другое место, – и, не дожидаясь ответной реплики, быстро зашагала к «бэхе».

– Подожди! – картавый догнал Евгению и взял за локоть. – Пгости, не хотел тебя обидеть... Если хочешь, давай сюда свою лошадку, буду искупать вину...

– Просто поменяй шины, – улыбнувшись, «смилоствилась» девушка и отдала мужчине ключи.

Тот уверенно сел за руль и подогнал БМВ ближе к ангару. Стоит отметить, работал он споро, ответственно. Даже, казалось, ловил от этого кайф. Закатанные рукава позволяли разглядеть сильные жилистые руки с пораненными пальцами. Боже, он даже не надел перчаток! В завершение проверил давление, подкачал колеса. Потом подошел к Евгении и,

что странно, опустив глаза, протянул ей ключи.

– А, вот, – опомнилась девушка, достав кошелек, – сколько там я должна?

– Пустяки, – все так же потупившись, пробубнил мужчина, – нисколько, ничего не надо.

– Это как понимать? – нахмурилась Юджи.

– Пусть это будет компенсация, я тебя вгоде как обидел, – тут работяга, покраснев похлеще всякого рака, взялся тереть подол своей широкой куртки.

– Хм, компенсация – дело хорошее, – Женька упорно сохраняла роль железной леди, точнее, четкой чувихи, – только я немного иначе представляла себе компенсацию...

– У... это как? – Женькин тон окончательно выбил несчастного работника «из седла».

– Расслабься: ресторацию и чинзано не затребую, обойдусь кафешкой и кофеечком, – обнажила танцорка свои белые щербатые зубки.

– Кафе и кофе, – глухо повторил мужчина, – конечно, газумеется, сейчас пегеоденусь... подожди немножко... тут как газ «Гомашка» есть...

– «Ромашка»... окей, – картинно посомневавшись, согласилась Женя. Картавый мачо кивнул и удалился в недра ангара.

– На чьей поедем, на твоей или на моей? – спросил передетый работник СТО, от которого все так же разило автохимией. – Кстати, я Егор...

– Евгения... на твоей, а то я немного подустала за рулем, хочу побыть пассажиркой, тем более водишь ты прилично и мне бояться нечего, – вновь белозубая улыбка...

– Хогошо, пассажигка Евгения, тогда пгошу, – Егор открыл дверцу своего «Вольво» цвета «спелая вишня»...

– Знаешь, Синдбад, твой голос как наркотик, я не смогу без него... Это глупо, очень глупо... Прости, – Женя мило покраснела и, отвернувшись, уткнулась носом в одеяло.

– Это ты у меня глупенькая, – Егор притянул девушку к себе и поцеловал в кудрявую макушку, – я чувствую то же самое...

– Мы оба сошли с ума, – мечтательно проговорила Женя, глядя в серый потолок.

Для кого-то, может, и недопустимо отдаваться мужчине после первого свидания и тем более предаваться утехам в крошечной комнатке на задворках СТО. Но кто, простите, сказал, что для этого непременно необходим элитный пентхаус или, на худой конец, пятизвездник с кроватью, усыпанной лепестками белых роз, и ванной, наполненной шампусиком? Конечно, и сама Женька в прошлом мечтала ощутить такую романтику, но почему их вариант считался плохим, когда им так хорошо?

Егор Тонких, прозванный Синдбадом за восточную внешность еще в армии, работал автослесарем на СТО. Дело свое мужчина знал на пять с плюсом и, как он сам выражался, любил «лечить машинки». У него даже сформировалась ба-

за постоянных клиентов, чем он несказанно гордился.

– Что теперь с нами будет? – спросила Женя, накручивая на палец кудрявую прядь.

– В смысле? – не понял мужчина.

– Что будет после этого... – как все просто, а Евгения чувствовала, что краснеет, – разбежимся, как будто ничего и не было?

– Если хочешь – разбежимся, – выпустив струйку едкого дыма, ответил Синдбад.

– Ты это серьезно? – девушка приподнялась на предплечьях и в упор посмотрела на любимого.

– Жень, ты разве не помнишь, как я тебя назвал?

– Дурочкой, – насупилась Евгения.

– Не дурочкой, а глупенькой, – рассмеялся Егор, – так вот, ты, конечно, можешь собраться и попытаться уйти, но я тебя никуда не отпущу, – после этих слов мужчина привлек ее к себе, и Юджи почувствовала, что улетает, а вскоре вообще перестала что-либо ощущать...

На следующий день она перебралась в комнату к Синдбаду, попутно одолжив у Маринки несколько тарелок и кружек, так как на импровизированной кухне у любимого наличествовала лишь посуда из пластика. Юджи с завидным рвением принялась обустроить совместный быт их крошечного жилища: несколько часов метания по всевозможным распродажам, и вот она, удача: счастливица приобрела симпатичную и практичную скатерку с гжельским узором

и два комплекта постельного белья салатового и ярко-розового цветов. «Хм, продают подешевле лишь потому, что поплыл рисунок», – удивлялась радостная Женька, разглядывая свои приобретения. Промотавшись еще целый вечер и купивши оранжевый плафончик с месяцем и звездочкой, пуловер и три пары шерстяных носков, Лиске отправилась на работу, думая лишь о том, чтоб поскорее ее закончить, отплясать и примчаться домой... И увидеть Его...

Танцевать стриптиз ей по-прежнему нравилось, но занятие сие перестало быть главным в жизни, перестало быть отдушиной. Маринка радовалась за подругу, даже перестала предлагать ей кайф, зная, что Женькин жених категорически против.

– Ну какой там жених, просто мужчина, – улыбалась и краснела Евгения, – две недели как встречаемся.

– Встречаются малолетки, а вы живете вместе, и это диаметрально противоположные понятия, понимаешь, нутром чувствую, все хорошо будет, – заверила подруга, смачно затянувшись.

– Тебе видней, – недоверчиво согласилась Женя, втайне мечтая, чтоб Марина оказалась права...

К сожалению, на длительность отношений влияет множество самых разнообразных факторов, зачастую самых неожиданных: ну какая может быть война сейчас, в 2016 году? Ладно там Сирия с Ливией... Но чтоб так близко...

Вернувшись в один прекрасный день с работы, усталая,

но счастливая Женька влетела на СТО. Отсутствие Синдбада не показалось ей странным: скорее всего, любимый уехал на авторынок – он давно хотел поменять ветровое стекло на своем «Вольво». Правда, напарник Егора, Колька, как-то странно с ней разговаривал, избегая смотреть в глаза. Но спустя битый час, проведенный в уговорах вперемешку с допросами, Колян раскололся и выдал, что Егор Тонких, он же Синдбад, сел сегодня на поезд и махнул, как он сам выразился, за счастьем в Донецк... За каким таким счастьем? Разве с ней, Женькой, он счастлив не был? На ватных ногах Юджи прошла в свою комнату и, уткнувшись в подушку, до сих пор хранившую его запах, отключилась...

... Полусвет, это даже не сумерки... И не тьма... Игра лиц на границе тьмы и света, очерченного первыми электрическими солнцами, такими чудесными, такими неверными, прорезающими зачумленный заводами воздух... Во тьме нет интереса. Ну, разве что совершать особо тяжкие преступления. А полусвет – это иное явление. Здесь видны лица, но не видно глаз, видны маски, но не видно лиц... Все кошки серы, но серы по-своему. Все видят тебя, но никто никогда не узнает, кто ты есть... Можно влюблять в себя, но никогда не влюбляться. В полусвете не страшна даже смерть. Полусвет – это не полутьма. Любой ущербный свет лучше неполной темноты. Неполная темнота показывает изъяны, а ущербный свет их мастерски скрывает. Не видно слез, видны лишь бриллианты. Чем свет ущербнее, тем лучше.

Чувствуешь себя безнаказанно. И почти незаметно. Незаметно и невесомо... Остаться бы здесь навсегда. Лишь бы только он... И больше ничего-ничего не нужно...

Бесконечная череда звонков и смс также осталась без ответа.

– На войне не до манирихов, – утешала верная подруга, – выкроет время – позвонит.

Но Синдбад все молчал.

Женька стала забываться, благо работы хватало: их стрип-клуб открыл теперь (подумать только!) театральную студию по обучению современным танцам и, конечно, стриптизу (куда без него?). Учениц, коих набралось воз и маленькая тележка, доверили им с Маринкой. И если товарка принялась за дело без особого рвения, предварительно обрушив свой гнев на несчастного Арменку (именно ему принадлежала «Роза Ширази»), то Юджи могла днями, ну или ночами, когда не нужно было отплясывать перед публикой, посвящать себя трудовой молодежи. Она даже стала иконой стиля, образцом этакой грациозной стервозности для многих начинающих танцовщиц. С некоторыми у Женьки даже сложились приятельские отношения. Вот и сейчас новенькая восемнадцатилетняя Белочка прочиркала-спросила, дескать, не могли бы вы, фройляйн Лиске, подвезти меня сегодня до дома?

– Почему нет, и могу, и хочу, – с улыбкой ответила ново-явленная педагогиня (от судьбы не денешься – преподская

деятельность нашла ее даже в стрип-баре), – я никуда не спешу, завтра в «Шираз» только к обеду, так что могу и по городу покатать.

Белочка соглашается и упархивает в машину...

Что было после того злосчастного выпуска утренних новостей, Женька помнила чрезвычайно паршиво: события, люди, лица – прыгали, кружились и собирались в причудливейшие пазлы, разглядеть, расшифровать, а порой и развидеть которые у нее не было ни желания, ни сил. Но, как водится, в начале было слово: румяная дикторша что-то бойко лепетала о визите некоего депутата в некий провинциальный городок и о бесконечной радости его жителей. Немного рекламы: пепси-прокладки-паста, затем сообщение с пометкой «Молния»: дикторша постаралась придать румянному лицу максимум серьезности, откашлялась, и понеслось: ...утром в шесть двадцать по местному времени в Донецкой областной больнице прогремел мощный взрыв, столько-то в тротиловом эквиваленте, разрушен весь второй корпус, повреждены прилегающие постройки. Столько-то десятков погибших и две сотни раненых (разумеется, первые подсчеты всегда неверны). Среди обломков найдено и опознано тело снайпера батальона «Гренада» Егора Тонких, известного как «ополченец Синдбад». Известно, что погибший приходился доверенным лицом командиру батальона Николаю Захарову. Незадолго до этого Тонких получил осколочное ранение в ногу. Не исключена версия теракта.

Женька в тот день была на работе – готовилась к вечернему шоу. Что было после? А ничего – провал в темную липкую бездну. И отчего-то так больно стало в груди. А по телику опять веселые мамыши, румяные карапузы... А у них с Егором детей никогда не будет. Не будет вообще ничего... Потому что он мертв. Ее Синдбад мертв. Нет, это ошибка, и завтра непременно будет опровержение... Да, он уехал в Донецк, но это не значит, что сбежал от нее. Егор просто хотел воевать, как ему казалось, за справедливость. И воевал достойно: недавно приехал – и уже доверенное лицо командира. «Гренада» – что-то испанское... Синдбад всегда любил все необычное, не наше. И портрет Че на капоте Женькиной «бэхи», наверное, волновал его даже больше, нежели сама Женька. А теперь... Что будет теперь? Нет, это несправедливо. И завтра будет опровержение. А вечером – шоу... Так мало осталось... Ну что ж, успокоительное, выпивка и шоу маст гоу он... Потом сразу домой, в их с Маринкой квартиру... Зарыться в одеяло, напиться и реветь...

Так легко Женьку затащило в круговорот слез, выпивки и блевоты. Но мудрая Маринка положила этому конец, настоятельно предложив травку. И Женя курнула – стало лучше. Грудь не болела.

«Может, стоит пересмотреть мое отношение к кайфу?..»

– *Что ты плачешь, девица?*

– *Смерть забрала милого...*

– *Ты не плачь, голубушка,*

А попробуй морфию...

...Нестерпимая резь в глазах. Зажегся яркий свет. Гул аплодисментов. Музыка. За барабаном в студии, наряду с двумя вусмерть обкуренными парнями (как их только сюда пустили – передачу ведь смотрят и дети), стоит она, Женька. «Странно: часом раньше сидела на кухне у Маринки и решительно никуда не собиралась...» – удивленно размышляла девушка.

Непонятно откуда возник Якубович. Объявил задание. «Ничего не понимаю, ничего не помню...» – пронеслось в Женькиной голове. Кто-то навалил на барабан всяких яств-вкусностей, а ведущий настойчиво просил первого утырка попробовать лубочную кашку. Затем кормил с ложечки и Женьку.

– Что это? Почему это я в ночнушке? – спросила Юджи у Якубовича.

Хлопок! Аплодисменты – утырок номер один назвал правильную букву. Какую – убей не видно.

Длинноногая и беловласая наяда зачем-то ходит возле стенда... Ниче себе, нарик называет еще одну букву! Сектор «Шанс»: с потолка падает телефон. Утырок берет трубку и требует выдать ему дозу, миллиард баксов, самолет до Ростова, кучу ненужной нормальным людям фигни и, наконец, выкрикивает букву.

Женьку шатает. Длинноногая блондинка вызывает ее на бой. Наяда вливает в себя бокал шампанского. И в этот

момент что-то больно шлепает Евгению по макушке. Она уже хотела навалить утырку номер два, но тот, подлюга, спрятался под барабан.

«Фляжка егеря!» – осенило девушку. Странная емкость со странным напитком подлетела к Юджи. Та, быстро отхлебнув и почувствовав невиданную доселе удаль, белкой вскочила на барабан. А блондинка все норовила хлестнуть ее по заднице лучком-пореем.

Снова взрыв – Женька с грохотом падает. «И кто меня успел связать?» – только и успела подумать она. В следующее мгновение девушку подхватывает Якубович и сажает перед собой на коренастого пони. Несутся, несутся галопом! Тут главное – не упасть! Вой, рев и треск. Красно-синий попугай, кружа над барабаном, нагадил на окуляры утырку номер один...

Откуда ни возьмись в студию врываются жандармы, наверное, соседи позвонили. Якубович, вернее, Якубович-парфюмер, вознесся и теперь парит над зрителями. Утырки с жандармами берут Женьку под белы рученьки и заставляют кружиться в диком хороводе. Парфюмер машет тростью. Прожектора! Хоровод кружится все быстрее...

«По закону жанра я должна совокупляться с ними, но сейчас ой как не хочется», – заторможено размышляла Женя, когда чьи-то волосатые, разумеется, жандармские руки забрались к ней под ночнушку...

Женя чувствовала себя хорошо, насколько это представ-

лялось возможным в ее ситуации. Кайф стал постоянным ее спутником: дома, на работе, в дороге. Только вот в союз их нерушимый время от времени нещадно врывается реальность с ее гнетущей болью в груди и образом, от которого девушка мечтала поскорее отделаться. И вновь: не видеть, не слышать, не помнить... Вроде бы все на своих местах, да, как на грех, еще одна проблемка стала терзать расшатанные Женькины нервы: кайф как-никак денег стоит. Лиске решила справиться с этим траблом завтра: «Будет день, и будет травка», – ухмыльнувшись, подумала она.

В обед девушка почти ничего не ела: аппетита не было, да и курить хотелось больше, нежели тратить время на харчи. И вот, усевшись в машину и ненароком глянув в зеркало, Евгения расстроилась. Но не настолько сильно, чтобы отказать от затяжки. В очередной раз забывшись под «Дельфина», Лиске медленно смяла в пепельнице окурок и завела мотор.

Невыносимая легкость бытия, ставшая ожидаемой и привычной, пронзила все ее тело, разогнула спину, наполнила светом. Даже секс с Синдбадом не доставлял ей таких щекотно-сладостных ощущений.

– Ненавижу, – процедила Евгения, вдавливая педаль газа в пол, – я выстояла и теперь сама по себе, никого мне нафиг не надо...

Даже машина ее, старушка «бэха», вела себя по-хорошему странно: плавно входила в повороты, ни разу не заглохла

на светофоре, мотор не звенел и не постукивал.

Скалящаяся, презирающая все и вся, Евгения откинулась на спинку кожаного сиденья, удерживая руль одной рукой. Другой по привычке сминала в пепельнице истлевший окурок...

«Зачем ждать зеленого, если перекресток почти свободен?!» – удивилась Женя, проскакивая на красный. Внезапно, как показалось, перед самыми ее глазами повисла детская головка, упакованная в смешной коричневый берет. Сей грибок-боровичок завис аккурат посреди полосы.

«Переход?! Какого черта?! Откуда он здесь?!» – в голове бешено застучало и запульсировало. Женька бьет по тормозам, но даже под кайфом понимает: на такой скорости ребенка с чудовищной силой отбросит в сторону или (что еще ужаснее) протащит по всей длине тормозного пути. Закусив губу, девушка выворачивает влево. Машину заносит и прокручивает несколько раз вокруг своей оси. Сигналы встречных, визг шин и крики прохожих сливаются в один жуткий рев... Наконец, вечность спустя, все стихло. «Бэу» словно отпустило, перестало кружить. Женя, шатаясь, вышла и огляделась: гриб-боровик успел испариться, встречные, сбавляя скорость, объезжали «камикадзе». Только перед самым носом Женькиного авто, аккурат в нескольких сантиметрах, застыл маленький «Пежо» цвета «синий металл». Из недр малолитражки выскочила черноволосая девушка в ажурных перчатках и вплотную подошла к Юд-

жи. Большие психоделические глаза, подведенные черными стрелками, внезапно сощурились, и девица отвесила нарушительнице ощутимую оплеуху. Та от неожиданности покачнулась и присела на капот БМВ.

– Извините, надеюсь, вы не пострадали, – коряво начала Евгения, – так случилось: превысила скорость, а впереди ребенок, простите, – девушка облизнула прокусанную до крови губу.

– Это ты у меня сейчас страдаешь, – грозно прошипела волоокая шоферка и приготовилась было нанести еще один удар, но Женька, готовая к такому повороту, отступила, и валькирия, рассекши воздух, едва не упала в лужу.

«Надеюсь, биты у нее там нет или...» – встревожилась Юджи, но не сильно, так как все еще находилась под кайфом.

В это время владелица «Пежо» подошла к ней и ощутимо ткнула ажурным пальчиком в грудь.

– Ненавижу, – процедила она, – зачем так беспричинно просирать жизнь? Это дерьмо еще никому не помогало! Лечись другими способами! – закончив тираду, девушка села в авто и, громко хлопнув дверцей, сдала чуть назад и аккуратно обогнула «бэxu».

Женька тоже ретировалась. В голове звенело. Может, от пощечины, нет, скорее от бешеного заноса. «Слава богу, камер нет, не хватало еще штраф схлопотать. И так денег раз два и обчелся... У Арменки занять, что ли?» – хаотично соображала Лиске. Казалось, вся ее жизнь теперь – гонка,

опасная и бессмысленная, наполненная сомнительной радостью... До клуба Юджи доплелась на черепашьей скорости.

– Расслабься, чэпэшница, выпей – не повредит, – похлопав подругу по спине, предложила Маринка.

– Нет, я не могу так больше, – Женька села поглубже на диванчик, чувствуя, что ее разбивает дрожь.

– Тогда затянись – сам Бог велел, – резюмировала товарка, – а эта... ну и дрянь, наваляла тебе, а, шалава придорожная!

– Нет, Марин, она права, – подавленная Лиске обхватила голову руками.

– Права?! Я бы на твоём месте... – распялялась подруга.

– Знаешь, я тут подумала, может, мне уволиться?

– Лисенок, да ты чего? А кайфовать за какие шиши будешь? Тю-тю? – Маринка покрутила пальцем у виска.

– Я соскочить хочу, – откашлявшись, просипела Евгения. То ли травка была неправильная, то ли стресс, но у нее всю дорогу до «Шираза» нестерпимо першило в горле. Пришлось даже тормознуть у киоска и купить воды и «Альпенгольд». Помогло. Где-то минут на пять...

– Знаешь, что я тебе скажу, – прищурившись, изрекла Маринка, – так просто соскочить не получится.

– И что мне теперь, – сникла Юджи.

– Ничего, продолжай курить, только интервалы между косячками делай побольше... в конце концов отпустит, – подруга для пущей убедительности кивнула выбеленной голо-

вой.

– Ладно, попробую, – Евгения обхватила руками плечи: ее все еще знобило.

– Хотя, Жень, я тут подумала, не съездить ли тебе в отпуск?

– Мариш, какой отпуск, денег нет совсем, – горько усмехнулась Лиске.

– Не парься, – прыснула подруга, – твой отпуск будет тут, недалеко от Стольного... Всего на три денька...

– Это что еще за шутки? – наконец оживилась Евгения.

– Ты слыхала о копателях?

– Ну да, в инете было что-то такое...

– Так вот, они выдвигаются в небольшую экспедицию, чисто разведать, тут близко, с ночевкой в какой-то деревне. Как тебе? – хмыкнула Маринка.

– Ну, может, и ниче, – проямлила Женька.

– Вот и ладушки, значит, едешь с ними. Я сейчас Гансу звякну, это мой бывший одноклассник, – затараторила подруга, – прикинь, год назад в Стольный переехал и уже хату прикупил...

– Не-не, подожди, – скуксилась Женя, – может, он и хороший человек, но я ни с какими гансами-фрицами дел иметь не собираюсь. Я, конечно, никого не осуждаю, но черные копатели – как-то слишком...

– Погоди, чего ерепенишься? Тебя никто не заставляет нигде копаться, просто поедешь и развеешься, сменишь об-

становочку. С Арменкой проблем не будет – и так пашешь без выходных... А?

– Ладно, – передернулась Лиске, – звони своему Гансу...

– Значит, так, фройляйн Лиске, – торжествующе начала Мариша, вновь усаживаясь на диванчик, – завтра к восьми будь по этому адресу. Там будет ждать гоп-компания, – и, усмехнувшись, протянула Женьке листок, – форма одежды – парадно-спортивная, ну, там берцы, шинелька или фуражка...

– Иди ты! – выругалась Юджи и отвесила подруге тычок... Шутейно...

На следующее утро Женька, разместившись на заднем сиденье машины Ганса (в миру – Виталия Ганского), вместе с его камрадами, Вили и Багирой, направлялась в сторону Железного Бора.

– Пять часиков отпашем – и на месте, – ударил по рулю Ганс.

Нет, парень этот не был воплощением побежденного фашизма, как рисовала себе Юджи. Виталий оказался приятным в общении, в меру brutальным мужчиной. А что носит форму вермахта – так у всех свои таракашки.

«К концу поездки я непременно разгадаю вас, доктор Ганский, – словно дегустируя незнакомый напиток, размышляла Евгения, – дайте только чуточку времени, я напрягу свои затуманенные травкой мозги и разгадаю вас... чтобы понять, что вы совсем не тот, кем хотите казаться, так к гадалке

не ходи...» Поездка обещала быть интересной...

Его спутники, Вили и Багира, считали себя наци-панками и облачались соответственно: Вили (в миру – Вова Барашкин) был острижен под «ежик», носил камуфляжную куртку цвета хаки и черные галифе. Фирменные берцы а-ля скинхед завершали образ. Юлия Вершинина – бойкая девушка, величавшая себя Багирой, носила ярко-рыжее каре с длинной черной челкой. Одета же была в «самый обыкновенный» летний комбинезон с эмблемой «Люфтваффе» времен все той же Второй мировой. *с тех времен.*

Евгения почти не думала над образом, надев любимую куртку-бомбер болотного цвета, велюровые спортивные штанишки и удобные, теплые, оттого безумно любимые угги. Медовые кудряшки на сей раз были убраны в свободные фигурные косы.

– Ну что, красивая, поехали кататься, – донесся до Женки приятный голос Ганса, – чего невеселая?

– Да так, просто, – девушка решила разорвать «порочный роман с кайфом» и теперь чувствовала себя скверновато. Поддерживать беседу ой как не хотелось.

– Просто лишь кошки сношаются, – с усмешкой констатировал Ганс под прысканье спутников, – а у нас тут вишь как все перемешано! Ну что ты смотришь, как тамбовский вольф?

– Угу, – буркнула Женя. Ее немного ломало, и она была готова мириться с любым высказыванием в свой адрес.

– Да, Маринка предупредила, что тебе будет немного худо... худо, – посерьезнел Виталий, – хочешь, остановимся, и я до стану одеяло?

– Нет, спасибо, мне нормально, – поперхнувшись, отблагодарила Евгения, – не ожидала, что вы такие обходительные...

– Кто «мы»? – игриво удивилась Багира.

– Неонаци...

– О-о-о, как девушку плющит! – на широком лице Вили Барашкина заиграла улыбка. – Ты поосторожней с суждениями, – участливо напутствовал он, – это мы с Гансом такие добрячки, а если бы нас тут не было, Багирочка бы тебя за такое...

– Да ну тебя, – бунтарка ткнула здоровяка Вили в бок, – медхен просто не из нашенских, вот и попутала малость рамсы...²

– Разве вы не нацисты? – удивилась Евгения.

– Не совсем, – уклончиво ответила Вершинина.

– Вижу, тебя впервые за время пути что-то заинтересовало, – улыбнулся Ганс, – спрашивай, я весь внимание, – его голубые, «почти арийские», как определила их Женя, глаза с лукавством воззрились на попутчицу через зеркало заднего вида. Девушка поймала его взгляд и отчего-то засмушалась, потупилась...

– Ну, я думала, вы что-то сродни скинам, – сбивчиво на-

² Девочка (нем.).

чала Юджи.

– Так многие думают, – хмыкнул водитель, – но нам ближе панки: они плюют на систему и делают свое дело, заметь, не плохое дело. Да, мы интересуемся тем, что замалчивается. Вспомни вот, сколько ты видела фильмов о войне? Много множество, так?

– Ну да...

– Но в девяносто девяти процентах все банально до фаст-фуда: наши – хорошие, немцы – злыдни, так? – вопрошал Ганский.

– Да, – согласилась Лиске, – но разве фашисты не были злыднями? Сожгли Хатынь вместе с жителями, создали сеть концлагерей по всей сложившей лапки Европе, да и у нас тоже... офигеть какие добренькие, прям к ранке прикладывай!

– Ты права, – спокойно отреагировал Виталий на Женский выпад, – полностью я никого из них не собираюсь защищать и «отбеливать», просто ни в одном из наших фильмов не раскрыт характер немецкого солдата. А это есть одностороннее суждение. И оно неправильное. Всегда найдутся люди, заинтересованные «темной» стороной. Иные пойдут дальше: начнут их оправдывать, «отбеливать», а там и до героизации рукой подать...

– Типа истории с Бандерой, – подтвердила Женя.

– Вот-вот, – кивнул мужчина, – я начал интересоваться. Просто нашей системе, как и любой другой, невыгодно распространяться о врагах в человеческом ключе. Может, это

и правильно: такие зверства забываться не должны... но лично я всегда стремился открыть для себя и то, что запрятано. Тем более так старательно и одновременно так топорно...

– Может, ты и прав, – растерялась Евгения.

– А вас, фройляйн, похоже, привлекает стиль гранж, – разрядил обстановку Вилли, поглядывая на ее прикид.

Лиске в ответ лишь пожала плечами.

– Тоже не в ладах с системой? – не унимался балагур.

– Нет, скорее с собой, – вяло ответила Женя.

– Так, значит, товарищ Вилли, ой, простите, герр Барашкин, вы назвали себя добрячком?

– Угу, – надул щеки Вова.

– А тревожить прах мертвецов в коммерческих целях – это, по-вашему, акт милосердия? – не унималась Лиске. Девушка явно хотела заманить его в ловушку.

– Знаешь, Жень, – встрял Ганс, – ты права в своем возмущении, черные копатели – те еще тварюги. Но мы не такие.

– В смысле? – спутники вновь прыснули, в процессе ломки Юджи соображала тугогато.

– Мы не относимся к костям погибших воинов по-варварски, – терпеливо пояснил Виталий, – да, мы раскапываем с целью добыть предметы времен войны и, найдя оные, сбываем через проверенный сайт-аукцион, получая за это приличный барыш. И, конечно, нам встречаются останки воевавших здесь солдат. Но, заметь, мы всегда предаем их земле...

– ...в соответствии с христианскими обычаями на местных погостах, – закончила за него Багира.

– Так что за нами водится только один-единственный грешок, – хмыкнул Вова Барашкин, – собственное обогащение.

Жене не нашлось что ответить...

– Знаешь, фройляйн, я тебя понимаю, сама была такой, помнишь, Вилли? – улыбнулась Юлия, отчего, казалось, ее веснушчатое личико просияло.

Ну зачем ей это пошлое разноцветное каре и ужасный комбез? Гораздо больше Юленьке пошел бы высокий конский хвост из натуральных русых волос и нормальный, «человеческий» спортивный костюмчик...

– Угу, – кивнул Вова, – как резаная верещала, что найденное непременно нужно сдать в музей. Как же! Кто туда пойдет? Молодняк?! Щас! Их туда силком не затащишь, если, конечно, не посулить после музея доброго пивасику... а когда их загоняют туда почти силой, «мученики» эти думают лишь о том, чтоб поскорее слинять домой, набить брюшки полуфабрикатами и зависнуть до утра ВКонтакте. Хм, рабочий люд в музеях – тоже явление редкое. Воистину, легче снежного человека встретить.

– Ну, селебы появляются раз в вечность, – поддержала Багира, – дабы удачно поселфиться и почиркать автографы, причем неважно где: в кабаке или в музее.

– Бьюсь об заклад, – Барашкин тюкнул себя по лбу, – большинство из наших звездцев ведать не ведают, что такое кап-

сую, шуцер или кiset. А болванка вообще превратилась в обзываетельство... и только. Это все равно что заставить Карузо петь пред жующей публикой...

«Хм, или танцевать перед нажратой», – дополнила про себя Лиске.

– В частных же коллекциях вещички эти будут всегда дороги. Я за то, чтобы артефакты доставались истинным ценителям, – закончил парень более спокойным тоном, – на теперешнем уровне развития молодняка нахождение в музеях некоторых предметов старины – не что иное, как издевательство над ними. Послушай, – обратился он к Евгении, – разве может пятнадцатилетняя прыщавая школото, мечтающая помазать сиси соседки по парте, понять ценность откопанного ржавого портсигара, истлевшего кисета, солдатского медальона, а?

– Думаю, нет, – зевнув, ответила девушка.

– Правильно, – презрительно фыркнул Вова, – для них банка пива дороже.

«...ну, или косячок...» – Евгения откинулась на сиденье и задремала.

Дальше немного помолчали. Каждый думал о своем. Затем опять говорили о всякой всячине начиная от Сталина и заканчивая «туалетным» юмором молодых резидентов «Камеди», на коих Иосифа Виссарионовича, к большому сожалению, не было. Останавливались дважды: по нужде и покушать. Вот, наконец, плавно свернув с шоссе на проселоч-

ную дорогу, углубившись по ней в темный промозглый лес, Виталий заглушил мотор.

– Железный Бор, слышала такое название? – спросил он у Женьки.

– Нет, никогда, – озираясь по сторонам, ответила та.

– Значит, так, объясняю для тех, кто был в танке, – Ганс положил руки на Женькины плечи, – в этот раз мы копать не будем, земля еще мерзлая – тяжело. Наша цель – осмотреться, ну и обозначить присутствие.

– Да, – подтвердила Багира, – Ганса знают тут многие, и на его место сунуться не посмеют.

«Круто, – подумала Лиске, – прям передел собственности какой-то...»

– Заночуем в ближайшей деревне, – продолжал лидер экспедиции, – а сейчас все на выход...

– Ну да, там тебя уже успели узнать, – прыснув, подтвердил Вилли, – и, наверное, организовали вкусный хавчик – булбочку со шкварками.

– Походим по окрестностям, разомнем отекающие члены, никто не против? – справился Ганский.

– Друзе мой, все только за, – всплеснул ручищами товарищ, – только вот чтобы размять члены, лично мне потребуется дойти до деревни. Хуторяночка моя заждалась, небось...

– Барашек, какой ты пошлый, фу, – делано смутилась Вершинина, – можно подумать, тебе там кто-нибудь даст.

– Дадут, догонят и еще раз дадут, – хмыкнул Виталий.

Следуя «приказу» Ганса, Евгения потопала вперед осмотреться, оставив смеющуюся троицу позади. Девушка чувствовала себя значительно лучше: то ли зависимость оказалась не столь запущенной, то ли пребывание в лесу действовало благотворно. Лиске впервые за день улыбнулась.

Как поведал Виталий, место это нарекли Железным Бором незадолго до конца войны, году так в сорок третьем. С обеих сторон тысячи солдат вместе с техникой, оружием, нехитрыми предметами быта нашли здесь последнее пристанище.

– Почти ни у кого из наших не было шансов выжить, – сказал помрачневший Ганский и, отвернувшись от ветра, закурил.

– Значит, у немцев шансы были? – уточнила Евгения.

– Были, – подтвердил мужчина, – их командование не предало, не оставило на верную смерть. А наших бросили тут погибать – в буквальном смысле, без провианта и медикаментов. Зато как преподнесли: остановить врага любой ценой. Не остановили, – рассказчик выпустил струйку едкого дыма...

– М-да, – только и смогла произнести Женька, вода носом сапога по грязи, в которую совсем недавно, по меркам Вселенной, впитались литры и литры человеческой крови...

Сейчас же Лиске была одна – сама напросилась. Багира было хотела пойти с ней на всякий пожарный, как в народе

говорят, но Женя от компании отказалась.

– Хочешь одна, тогда вот, – Ганс протянул девушке маленький алюминиевый свисток, – нашли неподалеку, раньше принадлежал одному гансу. Если что, свистни, Чип и Дейл примчатся на помощь.

– Спасать ваш красивый зад, – не смолчал тогда Барашкин.

Юджи было интересно: давненько она не бывала в лесу. Но странное ощущение давящей пустоты и тишины, тишины плотной, режущей слух стройным гулом высоковольтных проводов, не давало ей успокоиться полностью: в этой чащобе явно что-то было не так. После Евгения поняла, что именно: там не было ни одного живого существа (не считая их группы). Да и пах этот темный жутковатый лес весьма странно: вместо запахов мха, мокрой земли и древесины в Железном Бору веяло мазутом идохлыми птицами.

«Что это еще?» – внимание Женьки привлек некий блестящий предмет, лежащий совсем недалеко от тропинки. Стоит лишь обойти небольшую лужицу, но разве это преграда? Подобрав узловатую ветку, Юджи стала прощупывать землю, ступая по кочкам, дабы не замочить любимые угги. И вот, прошлепав почти до старой толстой березы, неестественно изогнутой и напоминающей литеру «Г», Лиске вдруг остановилась: «Прям как вход в иной мир», – без страха, скорее с интересом подумала она. Затем улыбнулась: она всегда была склонна к мистификации. Присела, чтоб на-

конец дотянуться до блестящей штуковины, как вдруг земля под ногами поплыла с невероятной скоростью и девушка, шлепнувшись пятой точкой в лужу, вместе с небольшим квадратом мокрого чернозема, словно по крутой горке, скатилась метра на три вниз. Сверху же нависал огромный земляной пласт, грозя обрушиться на незадачливую визитершу и схоронить ее под собой. Женька лежала ни жива ни мертва. И не оттого, что испугалась висевшего дамокловым мечом пласта. Нет, внизу гораздо ближе к ней очам открывался до противного жуткий и противоестественный вид – комната, даже с мебелью: железный скелет стула красовался в ее центре... Но ежели он был еще не так страшен, то «сидевшие» по бокам странного помещения скелеты людей в хорошо различимой форме вермахта повергли Женьку в приличный шок. Сквозь ребра одного из заживо погребенных пробивались толстые корни осины, челюсть другого была отброшена аккуратно под железный стул. Это был скелет лишь наполовину. Нижнюю. Верхняя покоилась отдельно, метрах в двух. «Переломали как прутик... или разрезали...» – проползла в голове гадкая мысль.

Парализованная горячим пульсирующим страхом, бьющим в виски вместе с кровью, Евгения отчетливо различала серые черепа и переломанные, торчащие из-под истлевшей формы кости. Что случилось тогда? Вероятно, тот второй был еще жив... А потом все засыпало и солдат умер в страшных мучениях.

Понемногу очухавшись, Евгения медленно привсталала. Подождала. Затем выпрямилась в полный рост. Осторожно ощупывая земляные стены комнаты, девушка наткнулась на некий выступ, в котором был твердый холодный предмет прямоугольной формы. Потянула за него, плохо понимая, зачем это делает. Находка оказалась кожаным ремнем, на железной пряжке которого красовался покрытый ржавчиной орел, сжимавший в толстых противных когтях свастику. Надпись под птицей гласила: «Гот тмит унс», что в переводе на нашенский означает: «С нами Бог».

«Да уж, – с ненавистью подумала Женька, – людей в крематориях тоже с молитвочкой на устах сжигали? Кажется, мне пора становиться атеисткой: того, что произошло, никакой Бог не допустит. Хотя, может, он тоже долгое время был под кайфом?»

Женя еще немного повертела ремень перед глазами. И только потом решила свиснуть новых знакомых. Подмога пришла незамедлительно: первым прибежал Вилли и чуть было сам не рухнул вслед за Лиске. Багире было поручено притащить из машины веревку.

– Я чувствовал, – усмехнулся Барашкин, – наша кудряшка-потеряшка преподнесет нам сюрприз!

– Ну что, Алиса, пора выбираться из Страны Чудес, – мрачно пошутил Ганский, кинув девушке конец веревки.

Выбравшись, Женька благополучно дотопала до машины, забралась внутрь и закуталась в грубое солдатское одеяло.

Мужчины же, не скрывая почти детского азарта, по очереди спускались в блиндаж, дабы досконально изучить обстановку внутри и, что греха таить, поискать ценные вещички, а потом уж и разобраться с останками засыпанных бедняг. По-христиански.

По дороге в деревню все только и говорили о блиндаже. Виталий признался, что всегда испытывал возбуждение, откапывая блиндажи, в них, дескать, всегда есть чем поживиться. Тем более в немецких. И, как потом узнала Женька, вместе с останками несчастных фрицев серым археологам удалось поднять некий планшет с ценными, но разбухшими бумагами, губную гармонику и прочий ценный груз. При большом желании и столь же немалых возможностях бумаги эти, по крайней мере, некоторую часть, можно было расшифровать. И Виталий этим непременно займется сразу по возвращении. У него даже был на примете нужный человек с нужной суммой, которого копатель в свое время спас от острога. Вилли и Багира договорились с местным батюшкой об утреннем погребении. Евгения же все оставшееся время просидела дома: на ее кудрявую башку приключений уж точно хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.